

Три диалекта в «Букваре для башкир» А. Г. Бессонова¹

Наиболее известный в научном сообществе первый [Букварь для башкир 1892], созданный на основе кириллической графики, был опубликован в Оренбурге. Его авторство до недавнего времени приписывалось Василию Владимировичу Катаринскому — русскому педагогу и просветителю². Этот букварь выдержал несколько изданий. Не менее значимым для тюркологической науки является изданный в 1907 г. в Казани второй букварь для башкир. Его авторство принадлежит русскому языковеду и этнографу Александру Григорьевичу Бессонову. И тот, и другой буквари опирались на кириллический алфавит, который по сравнению с арабским позволял более полно отразить специфические фонетические особенности башкирского разговорного языка — сингармонизм, дифтонги и др. Если в первом букваре для башкирского языка использовалось 39 букв на основе кириллической графики, то во втором — уже 42 буквы (35 знаков русского алфавита и 7 дополнительных знаков для обозначения специфических звуков башкирского языка). Кроме того, А. Г. Бессонов проводит сопоставительный анализ русско-башкирской азбуки с арабской [Букварь 1907: 39—42] «с той целью, чтобы башкирские дети, изучающие как арабскую грамоту, так и русский язык с русской грамотой, могли вместе с тем выяснить для себя все особенности произношения (фонетики) своего родного языка, не стыдились бы его, а полюбили бы этот чудный, благозвучный язык» [Букварь 1907: 46].

Надо отметить, что А. Г. Бессонов был очень образованным человеком, окончил в 1877 г. Казанскую духовную академию, много лет работал учителем в национальных школах Вятской губернии и в Казани, а позднее — инспектором школ и народных училищ Оренбургской губернии. Александр Григорьевич хорошо владел башкирским, казахским, татарским и удмуртским языками, бережно и уважительно относился к творческому наследию и фольклору этих народов, много лет собирал сказки, песни, легенды, снабжая их ценными научными комментариями. К сожалению, не все из его творческого наследия удалось сохранить.

Наибольший интерес для языковедов представляет его «Букварь для башкир» [Букварь 1907], который не только отражает конкретное языковое состояние соответствующего периода, но и содержит весьма интересные разъяснения филологического толка, характеризующие автора как внимательного и глубокого ученого-лингвиста и диалектолога. Следует отметить, что задолго до создания «Букваря...», в 1881 г., А. Г. Бессонов написал статью «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам», в которой достаточно подробно охарактеризовал звуковой состав, грамматический строй и лексику башкирского и татарского языков с их основными говорами [Конов 1982: 257]. Кроме того, он является также автором других письменных памятников башкирского языка: «Первая после букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для северо-восточных башкир» (Казань, 1906) и «Первая после букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для юго-восточных башкир» (Казань, 1908). Не случайно знаменитый башкирский ученый, проф. Дж. Киекбаев, изучавший в середине XX в. творческое наследие А. Г. Бессонова, назвал его «основоположником башкирской диалектологии» [Киекбаев 1958: 41].

Несмотря на то что существует немало исследовательских работ, посвященных первым кириллическим памятникам на башкирском языке, полноценный анализ языковых особенностей трудов А. Г. Бессонова не проводился. Целью этой статьи является полный анализ языковых особенностей «Букваря для башкир» (Казань, 1907). В статье последовательно рассматриваются графические, фонетические, морфологические и лексические особенности текста этого памятника в сопоставлении с данными современных говоров и литературного башкирского языка, после чего предпринимается попытка сопоставить эти особенности с особенностями современных диалектов и говоров башкирского языка.

1. Графико-фонетические особенности

Следует отметить, что [Букварь 1907] в целом написан на диалекте, который А. Г. Бессонов в Послеловии характеризует как наречие «северной части зауральской Башкирии», и лишь для ряда форм в скобках указываются формы наречия «южной части зауральской Башкирии». В заключении «Букваря...»

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

² См. подробнее об этом [Норманская, Каримова, Экба 2017].

приводится текст сказки на трех диалектах: «северном», «южном» и «восточном» (катайском)³. Ниже мы опираемся на материал северных форм, а при обращении к южным формам, данным в скобках, специально отмечаем это.

1.1. Гласные графемы

С точки зрения вокализма в «Букваре...» практически нет существенных расхождений с современным литературным башкирским языком. Тем не менее, можно отметить следующие отличительные признаки:

1) [Букварь 1907] э — лит. башк. *и* (две лексемы; в них представлено сохранение архаического ПТю **e*, **e* в первом слоге):

[Букварь 1907] *эләк* ‘сито’, *эләктә* ‘в сите’ — лит. башк. *иләк*, *иләктә* < ПТю **elge*- ‘сито, просеивать’;

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *эшетәрғин* ‘(ты) услышишь’ — лит. башк. *ишетерһең* < ПТю **elit*-.
Это явление отмечено и в [Максютова 1976: 19, 30] как черта восточных диалектов, характерная и

для айского, и для аргаяшского диалекта.

2) ПТю **je* > [Букварь 1907] *йи* — лит. башк. *е*:

[Букварь 1907] *йир* — лит. башк. *ер* < ПТю **jer* ‘земля’;

[Букварь 1907] *йирән* — лит. башк. *ерән* < ПТю **jegre-n* ‘рыжий’;

[Букварь 1907] *йил* — лит. башк. *ел* < ПТю **jel* ‘ветер’;

[Букварь 1907] *йитәрдек* — лит. башк. *етәрлек* ‘достаточный’;

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *йиткәс* — лит. башк. *еткәс* ‘дойдя’.

В [Максютова 1976] не описана рефлексация ПТю **je* в восточных диалектах. По-видимому, этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении, в том числе на материале современных говоров.

3) Губная гармония гласных второго слога присутствует в памятнике, как и в литературном башкирском, после *о*, *ө* первого слога и отсутствует после *у*, *ү*.

Примеры на гласные *о*, *ө* в первом слоге:

[Букварь 1907] сев., юж., кат. *боронго* — диал. *боронго* — лит. башк. *боронго* ‘старинный, древний’;

[Букварь 1907] *тонок* — лит. башк. *тонок* ‘бледный’;

[Букварь 1907] *онот* — лит. башк. *онот* ‘(ты) забудь’;

[Букварь 1907] *оло* — лит. башк. *оло* ‘старый, пожилой’;

[Букварь 1907] *коро* — лит. башк. *коро* ‘сухой’;

[Букварь 1907] *төтөн* — лит. башк. *төтөн* ‘дым’;

[Букварь 1907] *өшөнөм* — лит. башк. *өшөнөм* ‘(я) замерз’;

[Букварь 1907] *өшкөрөм-төкөрөм* — лит. башк. *өшкөрөм-төкөрөм* ‘заговоры’;

[Букварь 1907] *көмөш* — лит. башк. *көмөш* ‘серебряный’.

При полной росписи книги было выявлено лишь одно исключение из этого правила: [Букварь 1907] *йөре* — диал. *йөре* — лит. башк. *йөрө* ‘(ты) иди’.

Примеры на гласные *у*, *ү* в первом слоге:

[Букварь 1907] *утын* — лит. башк. *утын* ‘дрова’;

[Букварь 1907] *утыр* — лит. башк. *утыр* ‘сидеть’;

[Букварь 1907] *күде* — лит. башк. *күзе* ‘его глаз’;

[Букварь 1907] *бүрене* — лит. башк. *бүрене* ‘волк-Асс’.

Н. Х. Максьютова отмечает, что, в отличие от остальных говоров восточного диалекта, где *о*, *ө* употребляются лишь в первом слоге слова, аргаяшский диалект более последователен в сохранении губного притяжения — начальные *о*, *ө* первого слога сохраняются и в последующих слогах: *торпоса* ‘дуплянка’, *шорон* ‘шуруп’, *өрөлөү* ‘хвастаться’, *өсөк* ‘маленький’ и т. д. [Максютова 1976: 86]⁴.

Итак, можно сказать, что с точки зрения вокализма основной «северный» диалект «Букваря...» наиболее близок современному аргаяшскому говору.

Для «южного» диалекта отмечена лишь одна форма, отличающаяся от северных диалектов гласной графемой:

[Букварь 1907] сев. *өйрәнергә* ~ южн. *йрәнергә* — лит. башк. *өйрәнергә* ‘учиться, обучаться’.

³ Катайские башкиры и сегодня встречаются по течению р. Инзер и далеко на восток вплоть до Курганской области.

⁴ В этом аргаяшский диалект не отличается от литературного языка.

1.2. Согласные графемы

Система консонантизма по большей части не отличается от литературного языка. Но есть ряд случаев, когда отличия присутствуют, и именно для таких позиций А. Г. Бессонов приводит в скобках, помимо основных «северных» форм, «южные» диалектные примеры. Ниже мы рассмотрим именно такие случаи. В таблице 1 представлены северные и южные диалектные формы, пратюркская форма по [EDAL] (по возможности) и литературная башкирская форма. В скобках около южного и северного рефлексов помечено, для каких современных диалектов (по [Максютова 1976]) характерны такие рефлекссы. К каждому типу рефлексации приведены указания, в каких восточных диалектах она встречается по [Максютова 1976], которые позволяют определить отдельные фонетические особенности текста «Букваря...» и соотнести их с особенностями говоров восточного диалекта, отмеченными Н. Х. Максютовой.

Таблица 1. Рефлексация ПТю *-s, *-s- в диалектах «Букваря...»

ПТю	«северный» и катайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-s, *-s-	ç / ð (арг.) ⁵	z (сальзигут., кыз.)	ç / h	
перс. <i>dust</i>	дуç	дуz	дуç	‘друг’
* <i>jasa-</i>	йаça	йага	яһа	‘делай’
* <i>ijs-I</i>	ийçe	ийге	еçe	‘запах’
* <i>büt-sA-</i>	бөтçä	бөтгä	бөтһä	‘если закончится’
* <i>es-I</i>	иде китте		иçe китте	‘удивился’
* <i>bas-KIç</i>	баткыс ⁶	багкыс	баçкыс	‘лестница’
* <i>es-I</i>	кат. иде		иçe	‘чувство’
* <i>osa-l</i>	кат. уçal		уçal	‘злой’
монг. <i>alus</i>	алыç		алыç	‘далекий’
перс. <i>nāmūs</i>	намыç		намыç	‘совесть’
* <i>esen</i> ‘здоровый’	иçән		иçән	‘живой’
* <i>es-Ar</i> ‘порывистый’	иçәр		иçәр	‘глупый’
* <i>as-t</i>	аçт		аçт	‘низ’
* <i>kis-KA</i>	кыçка		кыçка	‘короткий’
* <i>es-KU</i>	иçке		иçке	‘старый’
араб. <i>ism</i>	иçем		иçем	‘имя’

В аргаяшском диалекте представлена особая рефлексация *s: «в интервокальном положении звук z аргаяшского говора соответствует звуку ç литературного языка и других говоров (арг. *узал* — лит. *уçal* ‘злой’)» [Максютова 1976: 18]. В «северном» и «катайском» диалектах, по А. Г. Бессонову, в интервокальной позиции на границе словоизменительной основы представлено ð, отражающее, вероятно, современное аргаяшское z, а в интервокальной позиции не на границе основы — ç. В современном аргаяшском диалекте, по [Максютова 1976: 169], озвончение уже прошло во всех позициях, ср. пример из текста *базалар* — лит. башк. *баçалар* ‘ступеньки’. Таким образом, данные «Букваря...» А. Г. Бессонова позволяют предположить, что озвончение ç в интервокале не на границе основы произошло только в XX в. Но, конечно, необходима проверка этой гипотезы на материале других книг А. Г. Бессонова.

В айском диалекте *s в интервокальной позиции отражается как ç, в других позициях дает те же рефлекссы, что и в литературном языке, в анлауте чередуясь с ç [Максютова 1976: 38].

При этом интересно, что, как показывает анализ записей из с. Байназарово Бурзянского района, собранных Л. Ф. Абубакировой и доступных он-лайн по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1401/5/>

⁵ Следует отметить, что форма северного диалекта с интервокальным ð на месте лит. башк. ç представлена в [Букварь 1907: 44] только один раз в Примечаниях, но с указанием на то, что это одна из возможных рефлексаций лит. башк. ç. Аналогичная форма представлена один раз и в тексте на катаяшском диалекте, но для него в букваре зафиксированы только две формы с ç в интервокальной позиции.

⁶ Не вполне ясна форма слова *баткыс* ‘лестница’ из основного текста «Букваря...». Рефлексация *t* — лит. башк. ç, по [Максютова 1976], не характерна для восточных диалектов. Но такая форма зафиксирована и в современных диалектах — а именно, по [Диалектологический словарь 2002: 40], в южных: дёмском, ик-сакмарском — и в контактных с ними кызыльских говорах.

perspective/1401/6/view, в кызыльском диалекте в настоящее время представлено *ç*, как в литературном языке.

В основном тексте «Букваря...», предположительно написанном на «северном» диалекте, присутствуют также две формы, в которых представлено *h* — соответствие лит. башк. *ç*, характерное для сальзигутского или кызыльского диалектов: *уғал* — лит. башк. *уғал* ‘злой’, *уғак* — лит. башк. *уғак* ‘осина’. В настоящее время у нас нет достаточной информации, чтобы установить причину появления этих форм: включал ли А. Г. Бессонов в основной текст и «южные» формы, или эти процессы в какой-то степени шли и в «северных» диалектах.

Таблица 2. Рефлексация ПТю *-r- в диалектах «Букваря...»

ПТю	«северный» и каитайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-r-	ç (арг)	ð (ай., миас., кыз.)	з	
*bi-r-DA-n	бестән	беддән	беззән	‘от нас’
*si-r-DA-n	гестән	геддән	hezзән	‘от вас’
*bi-r-GA	бескә	бедкә	безгә	‘нам’
*si-r-GA	гескә	гедкә	hezгә	‘вам’
*kır-lAr	кыстар	кыддар	кызлар	‘девушки’
*kar-lAr	кастар	каддар	казлар	‘гуси’
*ür-t	өст		өст	‘верх’

В аргаяшском диалекте наблюдается употребление глухого *ç* вместо *з* в конечной позиции и перед глухим согласным, ср. *кыс* ‘девушка’, *алагыс* ‘берете’, *тескен* ‘тетя’ [Юлдашев 2010: 135], *бестең* — лит. башк. *беззең* ‘наши’ и *кускалак* — лит. башк. *кузгалак* ‘щавель’ [Максютова 1976: 17—18]. Таким образом, видно, что современная аргаяшская рефлексация полностью соответствует «северному» диалекту у А. Г. Бессонова.

В айском, миасском и кызыльском диалектах рефлексация совпадает с литературной [Юлдашев 2010: 135].

В сальзигутском говоре *h* соответствует литературному *з* в середине и конце слова, ср. *кыһ* ‘девушка’, и в позиции перед согласным, ср. *бәһтек* ‘вредный’ [Максютова 1976: 17, 187].

Учитывая, что в памятнике башкирское *h* передается как *ç*, ср. *çыр* — лит. башк. *һыр* ‘резьба’, *бага* — лит. башк. *баһа* ‘цена’, а *ç* передается как *ð* в «северном» говоре: *гед* — лит. башк. *hez* ‘Вы’, *тауда* — лит. башк. *тауза* ‘на горе’, можно предположить, что формы с -ðð- имеют кызыльское, айское или миасское происхождение⁷.

Таблица 3. Рефлексация ПТю *-p- в говорах «Букваря...»

ПТю	«северный» и каитайский диалекты [Букварь 1907]	«южный» диалект [Букварь 1907]	лит. башк.	перевод
*-p- (интервокальное)	б	ÿ/в (арг., ай., миас., кыз.)	б	
	әбей	әйей/әвей	әбей	‘старушка’
	бабай	бауай/бавай	бабай	‘старик’

Как отмечается в [Ишкильдина 2011: 477], «вместо инлаутного [β] в некоторых говорах встречаются аллофоны круглощелевой фонемы [w]», это положение иллюстрируется примерами арг. [бауай], ай. [быуай], миас. [бауай/быуай]. В [Диалектологический словарь 2002: 33] также приводятся формы ай. *быуай*, миас. *бабай*, *бауай*, *бауый*. Анализ полевых данных по башкирским говорам, собранных Л. Ф. Абубакировой, ср. <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1401/5/perspective/1401/6/view>, показывает,

⁷ Следует отметить, что «южные» формы отличаются от «северных» только в некоторых, перечисленных в статье, позициях, и все они бесспорно относятся к восточному диалекту, поэтому мы не указываем, что в ряде случаев «южные» рефлексации совпадают не только с некоторыми восточными говорами, но и с южными или северо-западными.

что и в кызыльском говоре представлен переход интервокального $\beta > w$, ср. *tiiwə* — лит. башк. *tübə* 'верх'. Но форма *быуай* 'дед', приведенная для аргаяшского говора в [Максютова 1976: 90], показывает, что этот процесс, который во времена А. Г. Бессонова захватывал только южные восточные башкирские говоры, в настоящее время стал проявляться и в северных.

Как видно из таблиц, в «Букваре...» с точки зрения графико-фонетических особенностей согласных есть довольно надежные указания на два разных говора, которые А. Г. Бессонов обозначает в Примечаниях как «северный» и «южный». Для катаяшского говора данные по этим признакам либо отсутствуют, либо совпадают с данными по северному говору.

Если брать основные диалектно-дифференцирующие признаки по [Максютова 1976], то «северный говор» имеет определенное сходство с аргаяшским говором: реализация лит. башк. *зз, зл, зг* в качестве *ст, сж*; в интервокальной позиции *-s- так же, как и в современном аргаяшском говоре, может озвончаться и переходить в -ð-. Эти признаки не свойственны другим восточным говорам. При этом в части случаев *-s- сохраняется как *ç*, что, видимо, свидетельствует о том, что процесс озвончения во времена А. Г. Бессонова только начинался. «Южный говор» по всем признакам соответствует кызыльскому говору и имеет отличия от других башкирских диалектов. С целью верификации этой гипотезы рассмотрим основные морфонологические и морфологические особенности «Букваря...».

2. Морфонологические особенности

2.1. Форма аффиксов

Морфонологический анализ ряда «северных» словоформ в «Букваре...» позволяет выявить особую форму аффиксов, отражающую диалектные особенности восточного наречия и отличающуюся от литературного языка, в котором приняты формы южного диалекта с -л [Грамматика 1981: 171, 228; Максютова 1976: 16]:

Таблица 4. Морфонологические особенности отражения суффиксов в «северном» говоре «Букваря...»

	основы с конечным глухим	основы с конечным сонорным (кроме <i>p, ʏ</i>)	основы на <i>u, ʏ, y, ʏ, p, ç</i>	литературные соответствия во всех типах основ
Adj *-II	-mV⁸ <i>xöyöktö</i> 'приятный' <i>гонахты</i> 'грешный' <i>укымышты</i> 'ученый'	-ðV <i>tämde</i> 'вкусный' <i>räximde</i> 'милостивый' <i>шикелде</i> 'сомнительный'	-ðV <i>törðö</i> 'разный'	-lV <i>höyöklö</i> <i>gonaḥly</i> <i>ukymışly</i> <i>tämle</i> <i>räximle</i> <i>şikelle</i> <i>tөрlө</i>
NomAbst г *-III	-mVк <i>дустык</i> 'дружба' <i>карттык</i> 'старость'	-ðVк <i>усалдык</i> 'злость' <i>дошмандык</i> 'вражда' <i>йамандык</i> 'злость'	-ðVк <i>йитәрдек</i> 'достаток' <i>йалкаудык</i> 'лень' <i>ғаудык</i> 'здоровье'	-lVк <i>дустык</i> <i>картлык</i> <i>усаллык</i> <i>дошманлык</i> <i>йаманлык</i> <i>етәрлек</i> <i>йалкаулык</i> <i>һаулык</i>
ConV *-IAr	-mVп <i>иптән</i> 'осторожно' <i>үсектән</i> 'дразня' <i>йоктап</i> 'во сне'	-ðVп <i>йүндән</i> 'хорошо' <i>йәлдән</i> 'жалея' <i>тындап</i> 'слушая'	-ðVп <i>уйдан</i> 'слушая' <i>буйдан</i> 'вдоль' <i>һөйдән</i> 'говоря'	-lVп <i>ипләп</i> <i>үсекләп</i> <i>йоклап</i> <i>йүнләп</i> <i>йәлләп</i> <i>тыңлап</i>

⁸ Форма гласного по правилам сингармонизма определяется гласным первого слога.

	основы с конечным глухим	основы с конечным сонорным (кроме <i>p, ʏ</i>)	основы на <i>u, ʏ, y, ʏ, p, ʒ</i>	литературные соответствия во всех типах основ
				<i>уйлап</i> <i>буйлап</i> <i>һөйләп</i>
PartPast *-lAgAn	-mVzVn <i>баштаган</i> ‘начатый’ <i>хөрмәттәгән</i> ‘уважаемый’ <i>эштәгән</i> ‘работающий’		-ðVzVn <i>уйдаган</i> ‘думал, подумавший’	-лVzVn <i>башлаган</i> <i>хөрмәтлэгән</i> <i>эшлэгән</i> <i>уйлаган</i>
Oper *-lA	-mV- <i>таштама</i> ‘не бросай’ <i>хөрмәттә</i> ‘уважай’ <i>закта</i> ‘храни’	-ðV- <i>көндәмә</i> ‘не ревнуй’ <i>тында</i> ‘слушай’	-ðV- <i>урдама</i> ‘не воруй’ <i>зөйдәмә</i> ‘не говори’ <i>кәдердә</i> ‘цени’ <i>эддәмә</i> ‘не ищи’	-лV- <i>ташлама</i> <i>хөрмәтлә</i> <i>һакла</i> <i>көнләмә</i> <i>тыңла</i> <i>урлама</i> <i>һөйләмә</i> <i>кәзерлә</i> <i>эзләмә</i>

Как показывает анализ текстов сказки на трех говорах [Букварь 1907: 33—35], приведенной в конце «Букваря...», в «южном» говоре представлена аналогичная система, а в катaysком — несколько иная. Как было отмечено в [Миржанова 1983], наиболее существенным признаком, отличающим катaysкий говор от рассмотренных выше южного и восточного, является форма суффиксов, которые после сонорных начинаются на *-m-*, в отличие от аффиксов лит. башк. *-l/-ð-* и «северного» и «южного» восточных говоров на *-ð-*:

Таблица 5. Различия в морфонологических особенностях отражения суффиксов в трех говорах «Букваря...»

северный	южный	катaysкий	лит. башк.	перевод
	<i>зөрәндә</i>	<i>зөрәнтә</i>	<i>һөрәнлә</i>	‘кричи’
	<i>зөрәндәгән</i>	<i>зөрәнтәгән</i>	<i>һөрәнләгән</i>	‘крикнул’
<i>урмандан</i>	<i>урмандан</i>	<i>урмантан</i>	<i>урмандан</i>	‘из леса’
<i>зөйдәгәнде</i>	<i>зөйдәгәнде</i>	<i>зөйдәгәнте</i>	<i>һөйләгәнде</i>	‘мною сказанное’
<i>шикелде</i>	<i>шикельде</i>	<i>шикелте</i>	<i>шикелле</i>	‘подобно’

Представляется, что в «Букваре...» зафиксирована интересная и значимая особенность говора катaysких башкир, которая, насколько нам известно, не характерна для других башкирских диалектов. В более общем виде это явление было описано в работе Ф. Г. Хисамитдиновой, ср. «отмечается такая диалектная особенность, как глухая ступень чередований *l/t/d/ð*, *n/t/d/ð* и *q/k/ɣ/g*, выступающая после плавных (*r, l*): *jamqur* ‘дождь’, *tamqa* ‘тамга’, *sanqa* ‘лыжи’, *jeŋkä* ‘сноха’, *anta* ‘там’, *mynta* ‘здесь’, *kiltem* ‘я пришел, приехал’, *uŋtuq* ‘нам повезло’, *qulta* ‘в руке’, *köntöd* ‘днем’, *uramqa* ‘на улицу’, *boronqo* ‘древний’, *irtäŋke* ‘утренний’, *kemkä* ‘кому’, *bartym* ‘я ходил’. Распределение ее по башкирской территории было исследовано Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 1989], и показано, что оно не коррелирует с современными диалектными и говорными границами, но довольно хорошо связывается с территорией расселения башкирских племен катый, табын и балыксы» [Юлдашев 2010: 139].

2.2. Усечение производящих основ

Это явление характерно как для большинства современных говоров, так и для разговорной речи: [Букварь 1907] *äpkitkän* — лит. башк. *алып киткән* ‘увез, унес’; [Букварь 1907] *балдар* — лит. башк. *балалар* ‘дети’ и др.

3. Морфологические особенности

В целом аффиксы, представленные в «Букваре...», полностью соответствуют современным восточным диалектам. В качестве характерных черт восточного диалекта, зафиксированных в «Букваре...» можно отметить инфинитив на *-ыу*: *арыу* 'уствовать', *кыйыу* 'резать', императив (2PI) на *-ы/он*: *ыскындырын* 'отстегните', *торон* 'стойте', свойственные, по [Максютова 1976: 195, 197], всем восточным диалектам.

Отметим особенности аффикса будущего времени, которые позволяют верифицировать гипотезу, высказанную выше при разборе графико-фонетических особенностей памятника, о связи основного «северного» говора «Букваря...» с аргаяшским говором. В «Букваре...» наряду с формой будущего времени *-ыр*, совпадающей с современным литературным башкирским языком и большинством восточных говоров, используется форма будущего времени на *-ар/-әр*, которая по [Максютова 1976: 54, 134, 194] является важной диалектной особенностью аргаяшского и сальзигутского говоров в отличие от ай. *-ым*, *-ырым*, миас. *-ыр/-ер*, кыз. *-ылыр* [Максютова 1976: 54, 134, 194, 233, 276]:

[Букварь 1907] *эшетәргин* — лит. башк. *иштерһең* '(ты) услышишь'.

Система местоимений в «Букваре...» также имеет специфические черты восточных говоров, выделенные в [Мудрак 2009]:

анын 'его' — лит. башк. *уның*;

алардын 'их' — лит. башк. *уларзың*;

анан 'от него' — лит. башк. *унан*;

алардан 'от них' — лит. башк. *аларзан*;

а, ал 'тот' — ул 'тот'.

В [Максютова 1976: 123, 125, 229] отмечается, что такие формы характерны для аргаяшского и миасского говоров. Это также подтверждает принадлежность основного текста «Букваря...» к аргаяшскому говору.

Среди других особенностей «Букваря...» можно отметить употребление специфических диалектных форм, характерных для восточных говоров и отличных от литературного языка: *билмау* — диал. *билмау* (арг., миас.) — лит. башк. *билбау* 'кушак, пояс', *инә, инәкәйем* — диал. *инә, инәкәйем* (кыз., миас.) — лит. башк. *әсә, әсәкәйем* 'мать', *кымыртка* — диал. *кымыртка* (кыз., миас.) — лит. башк. *кырмыска* 'муравей', *ман* — диал. *ман* (арг.) — лит. башк. *менән* 'с' (послелог), *тахы, дахы* — диал. *тахе, тахи, тахы* (арг., миас., ай.) — лит. башк. *тағы* 'еще', *шал* — диал. *шал* (арг., миас.) — лит. башк. *шул* 'тот', *шан, шанан* — диал. *шан* (арг., кыз., ср., сакм.) — лит. башк. *шунан* 'потом', *шонда* — диал. *шонда* (арг.) — лит. башк. *шунда* 'там'. Как видно из примеров, в тексте памятника использованы аргаяшские, кызыльские, айские и миасские формы диалектных слов.

К собственно лексическим диалектизмам в «Букваре...» можно отнести следующие лексемы:

лапак (кыз., миас.) — лит. башк. *ясы таулык* 'плоскогорье'; *лапак* (кыз., ай.) — лит. башк. *тәпәшәк, төкөр* 'низкий, низкорослый';

улак (арг.) — лит. башк. *мөшкә* 'насыпь' (сооружение над жерновами мельницы, предназначенное для ссыпки зерна); *улак* (кыз.) — лит. башк. *тар ғына, тәрән, тонок, әкрән аккан һыу* 'узкая, глубокая, бесшумно текущая речка';

уктау (арг.) — лит. башк. *һабан тоткаһының асқы өлөшө* 'нижняя часть ручки плуга';

урак (сальзигут.) — лит. башк. *куяндың кышкы юлы* 'зимняя тропа зайцев' и др.

В настоящее время, видимо, не все из них представлены в аргаяшском говоре, но данные «Букваря...» указывают, что слова *лапак* (кыз., миас.), *урак* (сальзигут.) ранее имели более широкое распространение.

Таким образом, фонетические и морфологические особенности текста «Букваря...» свидетельствуют о том, что основной «северный» говор был аргаяшским, а «южный» — кызыльским; кроме того, в «Букваре...» отмечены уникальные морфонологические варианты ряда суффиксов, свойственные говорам катая, табын, балыксы.

В то же время в тексте «Букваря...» А. Г. Бессонова обнаруживаются далеко не все фонетические и морфологические особенности, отмеченные в [Максютова 1976] для этих говоров. Представляется маловероятным, что «предпринятый дореволюционными исследователями А. Г. Бессоновым и В. В. Катринским обзор диалекта, служащий лишь первоначальным практическим задачам (обучению детей грамоте), не мог отразить всей специфики восточного диалекта» [Максютова 1976: 6]. Как мы видим, в «Букваре...» аккуратно и последовательно отражена и общая специфика восточных диалектов, и специфические аргаяшские и кызыльские черты: для «северного» и «южного» говоров характерен «восточный

тип» аффиксов (см. таблицу 4), для китайского — особая «глухая» форма аффиксов (см. таблицу 5), в «северном» говоре представлено аргаяшское оглушение *з* в позиции перед глухими согласными (см. таблицу 2), в «южном» говоре зафиксирована кызыльская рефлексия глухого межзубного в виде *з* (см. таблицу 1).

При этом следует отметить, что в «северной» части текста «Букваря...» не отражен ряд аргаяшских черт, возникновение которых, вероятно, можно датировать уже XX в.:

а) озвончение межзубного глухого в интервокальной позиции не на границе словоизменительной основы (см. таблицу 1) — в «Букваре...» сохраняется глухой вариант;

б) развитие пратюркского **r* в интервокальной позиции в *w/y* (см. таблицу 3) — в «Букваре...» представлено *b*;

в) перелом гласных: в [Максютова 1976: 87—92, 168—169] отмечено употребление в первом слоге арг. *o* в соответствии с лит. башк. *y* и, наоборот, арг. *y* в соответствии с лит. башк. *o*, а также арг. *э* в соответствии с лит. башк. *и* — в «Букваре...» такие примеры не зафиксированы, отражение гласных за исключением нескольких случаев, описанных выше, совпадает с литературным языком;

г) употребление *с, с, х, з* в соответствии с лит. башк. *h* в начале слова [Максютова 1976: 100, 169]: арг. *солгө* — лит. башк. *һөлгө* ‘полотенце с вышивкой на концах из домотканого холста, рушник’, арг. *сын* — лит. башк. *һын* ‘внешность’, арг. *сыу* — лит. башк. *һыу* ‘вода’ и т. д. — в «Букваре...» такие примеры не зафиксированы, лит. башк. *h* отражается как *з*: [Букварь 1907] *шунан зун* — лит. башк. *шунан һуң* ‘после этого’; [Букварь 1907] *зөрәндә* — лит. башк. *һөрәнлә* ‘кричи’;

д) употребление *йе* в соответствии с лит. башк. *е* в начале слова [Максютова 1976: 168]: арг. *йерге* — лит. башк. *ерге* ‘пронзительный’ — в «Букваре...» в этой позиции представлено *йи-*, ср. [Букварь 1907] *йир* — лит. башк. *ер* ‘земля’.

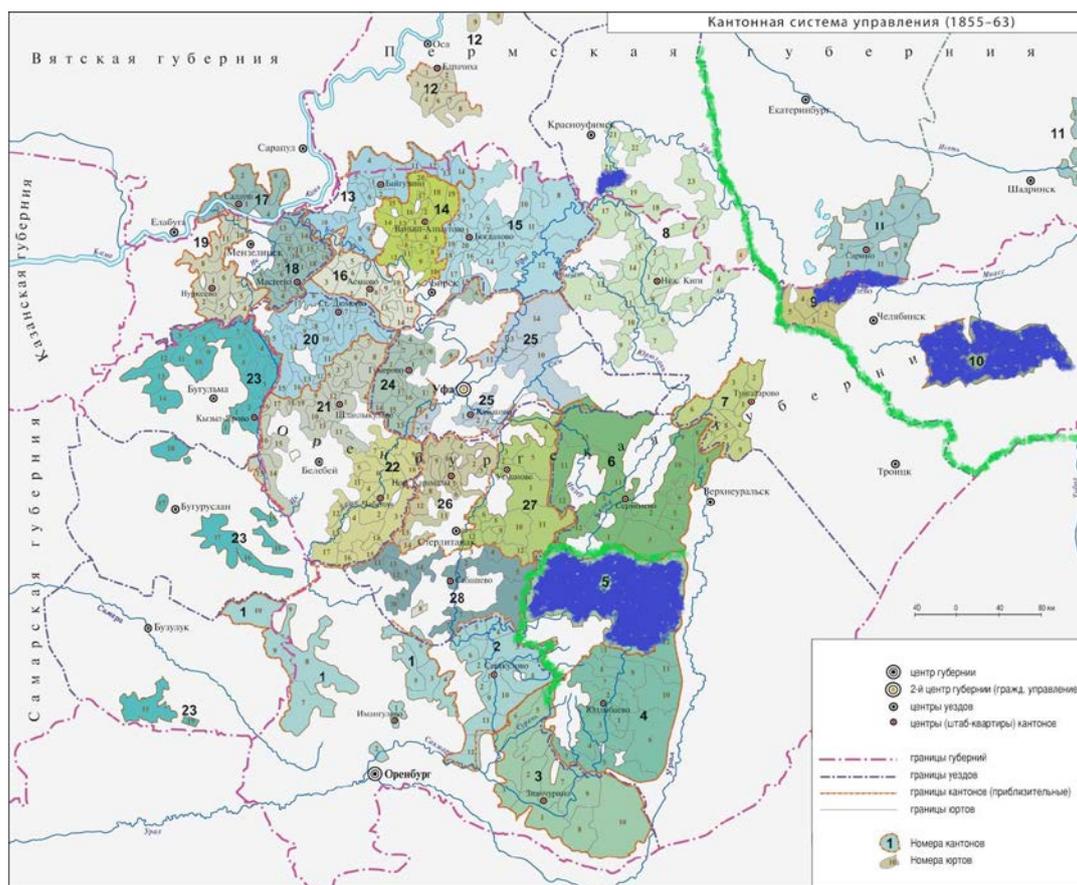
Одновременно можно выявить процесс, который только начался на момент создания «Букваря...» и еще не завершен в современном аргаяшском говоре: выпадение одного из согласных в кластерах с *h*. Так, в [Максютова 1976: 101, 168—169] выпадение одного из согласных представлено в большинстве случаев, ср. арг. *аһан* — лит. башк. *алһан* ‘если взять’, арг. *буһа* — лит. башк. *булла* ‘хотя бы’, арг. *зүрәндереүгә* — лит. башк. *күрһәтергә* ‘показать’, но *йылһыс* — лит. башк. *йылһыз* ‘без года’. В «Букваре...», наоборот, в большинстве случаев сохраняются оба согласных в кластере, ср. [Букварь 1907] *көлгән* — лит. башк. *көлһән* ‘если смеешься’, [Букварь 1907] *үлгә* — лит. башк. *үлһә* ‘если умрет’, [Букварь 1907] *буларғын* — лит. башк. *булырһың* ‘будешь’, но есть и редкие примеры с выпадением *r*, ср. [Букварь 1907] *урағын* — лит. башк. *ураһың* ‘пожнешь’.

В послесловии к «Книжке для чтения...» [Бессонов 1906: 55—56] указано место проживания носителей «северного» и «южного» говоров: первые, носители аргаяшского говора, жили «в Челябинском уезде Оренбургской губернии и в Шадринском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии», а вторые, носители кызыльского, «в юго-восточной части Верхнеуральского уезда и северной части Орского уезда». Эти районы обведены на карте зеленым цветом, башкиры проживали в них на территории юрт. По данным [Максютова 1976], в 1970-х гг. территории проживания носителей этих говоров значительно сократились. Они обозначены на карте пятнами синего цвета.

На основании указаний А. Г. Бессонова становится ясно, что территории проживания носителей аргаяшского и кызыльского говоров в конце XIX в. были значительно шире. В 1970-х гг., по данным Н. Х. Максютковой, уже не было аргаяшских башкир на территории Екатеринбургской области и Шадринского района Курганской области⁹, кызыльских башкир в Орском округе.

Таким образом, «Букварь для башкир» А. Г. Бессонова содержит ценный лингвистический материал, отражающий архаичное состояние говоров восточного диалекта: аргаяшского, кызыльского, китайского. Он дает возможность узнать об изменениях территории расселения носителей аргаяшского и кызыльского говоров. При этом обращает на себя внимание тот факт, что не все особенности этих говоров, подробно рассмотренные в [Максютова 1976], находят свое отражение в памятнике. Соответственно, можно предположить, что за период, охватывающий более полувека, произошли значительные инновационные изменения, требующие дальнейшего исследования.

⁹ Появление аргаяшских башкир на северо-востоке Белокатайского р-на Башкирии связано с передвижением на запад Екатеринбургских башкир. «По договору о припуске на вотчинных землях башкир Бала-Катайской волостей основаны населенные пункты Апаково, Ибрагимово, Каинкуль, Кулужбаево, Кырмаскалы, Сарыкульмяково; на вотчинных землях Салзатской вол. — Караболка, Юлдашево, Ямантаево, Б. Иркабаево, Зырянкуль, Кульмяково, Сагальшино», см. <http://wiki02.ru/encyclopedia/zauralskie-bashkiry/t/5209>.

Сокращения

- араб. — арабское
 диал. — диалектная форма
 лит. башк. — литературный башкирский язык
 монг. — монгольское
 перс. — персидское
 ПТю — пратюрский язык
 2PI — 2 л. мн. ч.
 Асс — винительный падеж
 Adj — прилагательное
 ConV — деепричастие
 NomAbstr — абстрактное существительное
 Орег — семантическая базовая функция, которая имеет толкование
 ‘Х проявляет [СВОЙСТВО] Y’
 PartPast — причастие прошедшего времени

Диалекты и говоры

- ай. — айский говор восточного диалекта
 арг. — аргаяшский говор восточного диалекта
 кат. — китайский диалект в «Букваре...»
 кыз. — кызыльский говор восточного диалекта
 миас. — миасский говор восточного диалекта
 сакм. — сакмарский говор восточного диалекта
 сальзигут. — сальзигутский (сальютский) говор восточного диалекта
 сев. — «северный» диалект в «Букваре...»
 ср. — средний говор восточного диалекта
 юж. — «южный» диалект в «Букваре...»

Литература

- Букварь 1907 — *Бессонов А. Г.* Букварь для башкир. Казань, 1907. {*Bessonov A. G.* ABC book for the Bashkirs. Kazan, 1907.}
- Бессонов 1906 — *Бессонов А. Г.* Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань, 1906. {*Bessonov A. G.* The first book after the ABC book and first lessons of Russian for the southwestern Bashkirs. Kazan, 1906.}
- Букварь для башкир 1892 — Букварь для башкир. Оренбург, 1892. II изд. — 1898, III изд. — 1908. {ABC book for the Bashkirs. Orenburg, 1892. 2nd ed. — 1898, 3rd ed. — 1908.}
- Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского языка / Ред. *Юлдашев А. А. М.*, 1981. {The grammar of modern Bashkir / Ed. *Yuldashev A. A. M.*, 1981.}
- Диалектологический словарь 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка (Башкорт теленен диалекттары һүзлеге). Уфа, 2002. {Dialectological Dictionary of Bashkir. Ufa, 2002.}
- Ишкильдина 2011 — *Ишкильдина Л. К.* Фонема [б] в башкирском языке: функционирование и история развития // Филология и искусствоведение. 2011, 2 (16). С. 474—478. {*Ishkildina L. K.* The [b] Phoneme in Bashkir: Function and Development // *Philology and Art Studies*. 2011, 2 (16). P. 474—478.}
- Киекбаев 1958 — *Киекбаев Ж.* Башкорт диалекттары һәм уларзың тарихына кыскаса инеш // Ученые записки БГУ. 1958. Вып. 3. Серия фил. № 2. С. 27—81. {*Kiekbaev Zh.* Bashkir dialects and a brief history of their origin // *Transactions of Bashkir State University*. 1958. Iss. 3. Ser. 2. P. 27—81.}
- Кононов 1982 — *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Л., 1982. {*Kononov A. N.* History of Turkic Languages Studies in Russia. Pre-October. 2nd edition. L., 1982.}
- Максютова 1976 — *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976. {*Maksyutova N. Kh.* The Eastern Dialect of Bashkir in a Comparative-Historical View. M., 1976.}
- Миржанова 1983 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). Дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 1983. {*Mirzhanova S. F.* The Southern Dialect of Bashkir (In a Comparative-Historical View). Doctor of Philology thesis. Ufa, 1983.}
- Мудрак 2009 — *Мудрак О. А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXIII). {*Mudrak O. A.* Building a Taxonomy of Turkic Languages and Dialects Using Glottochronology Methods, Based on the Questions on Morphology and Historical Phonetic. M., 2009 (Orientalia et Classica. Vol. 23).}
- Норманская, Каримова, Экба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Экба З. Н. В. В.* Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017, 2 (25). С. 46—52. {*Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V.* Katarinski the Author of the First Cyrillic Bashkir-Language Book? // *Ural-Altai Studies*. 2017. Vol. 2 (25). P. 46—52.}
- Хисамитдинова 1989 — *Хисамитдинова Ф. Г.* История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. {*Hisamitdinova F. G.* History of the Bashkir Language: Materials of Historical Phonetics. Ufa, 1989.}
- Юлдашев 2010 — *Юлдашев А. А.* Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М., 2010. С. 121—156. {*Yuldashev A. A.* Dialects of the Bashkir Language // *Dialects of Turkic Languages*. M., 2010. P. 121—156.}
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* The Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

РЕЗЮМЕ

В статье проводится полный анализ языковых особенностей «Букваря для башкир» (Казань, 1907) А. Г. Бессонова. Последовательно рассмотрены графические, фонетические, морфологические и лексические особенности текста этого памятника в сопоставлении с данными современных говоров и литературного башкирского языка, что позволило отождествить три диалекта в «Букваре...» с современными аргаяшским, кызыльским и катаяшским говорами и установить, какие диалектные особенности были характерны для этих говоров более 100 лет назад, какую территорию занимали их носители.

SUMMARY

The article provides a complete analysis of the language features of “ABC book for the Bashkirs” (Kazan, 1907) compiled by A. G. Bessonov. We analyzed graphic, phonetic, morphological and lexical characteristics of the text in comparison with the data of modern dialects and of the Literary Bashkir, which allowed to identify the three dialects of the ABC book with modern Argayash, Kyzyl and Katay dialects and to estab-

lish, which dialectal features were common for these dialects more than 100 years ago, and which territory their speakers occupied.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, башкирский язык, письменные памятники, А. Г. Бессонов

Keywords: dialect, literary language, Bashkir language, written monuments, A. G. Bessonov

Экба Зарема Назировна, Институт языкознания РАН (Москва); zaremaekba@mail.ru

Zarema N. Ekba, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); zaremaekba@mail.ru

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

Каримова Рамиля Нигаматьяновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; 1967-ram@mail.ru

Ramilya N. Karimova, Institute of History, Language and Literature of Ufa Research Centre of the RAS; 1967-ram@mail.ru